

Лян Каншэн, казалось, почувствовал нетерпение Цюй И. Он обернулся, посмотрел на него и слегка покачал головой, сделав жест, означающий, что у него всё под контролем.

К этому моменту Лян Каншэн уже понял, что задумала старуха Цюй. Он не спешил оправдываться, а размышлял о том, почему она так поступает и кто её на это подтолкнул.

Семья Лян каждый год осенью приезжала в деревню Цюйцзя, чтобы закупить рис и клейкий рис. Какая польза ей от того, что она поссорится с Лян Каншэном и его семьёй? Или, может быть, она рассчитывает получить от этого какую-то выгоду?

Увидев, что Лян Каншэн попал в затруднительное положение, старуха Мэн выступила в его защиту, нападая на старуху Цюй:

— Как можно говорить о неблагодарности? Сыню ел наш рис, пил нашу воду. Разве он сделал что-то неправильное, приведя И и Лян Каншэна к нам в гости?

— Кто не знает о ваших семейных делах? Вы растите Пятого дядю Цюй, как будто он сын помещика, ничего не делает, а после того, как он сдал экзамен на статус студента-кандидата, стал вести себя, как будто он царь и бог, попирая всю семью. Если вы хотите быть рабом своего сына, прислуживать его жене и детям, это ваше дело, но не тащите за собой мою дочь и зятя!

— Вы столько лет не заботились о Сыню, а теперь, когда он вырос, вылезли, чтобы сорвать плоды его труда. Посмотрите в грязную канаву, откуда у вас такая наглость!

— Мы с мужем раньше не поднимали эти вопросы, потому что хотели, чтобы дети жили спокойно. Но это не значит, что мы дураки, позволяющие вам, бесстыжей старой карге, нас обижать!

Старуха Цюй, естественно, не осталась в долгу и ответила ей тем же.

Уездный судья, слушая их перепалку, которая никак не могла прекратиться, раз за разом стучал деревянной дощечкой, а его брови сдвинулись так, что, казалось, могли раздавить муху.

Ранее, просматривая записи в регистре, судья заметил, что Цюй Чжицай из пятого дома семьи Цюй стал студентом-кандидатом пятнадцать лет назад, а его сын в этом году сдал уездный экзамен и также получил этот статус. Это немного склонило судью на сторону семьи Мэн.

Судья тщательно обдумывал это дело. Если уж решили подать в суд на своего ребёнка за неблагодарность, то, помимо старухи Цюй, должен был присутствовать и старик Цюй, ведь мужчина — это опора семьи.

Кроме того, в таких важных делах по логике должны были помочь и другие сыновья семьи Цюй, поддержать своих престарелых родителей. Но сейчас в суде присутствовала только старуха Цюй, и больше никто не появился.

Перед лицом сплочённой семьи Мэн, которая говорила чётко и аргументированно, старуха Цюй лишь бестолково спорила, пытаясь навесить на других всевозможные обвинения.

Воспользовавшись моментом, когда судья постучал деревянной дощечкой и наступила тишина, Лян Каншэн поспешил задать вопрос:

— Ваша честь, у меня есть вопрос, который, возможно, стоит задать?

Взглянув на ясный взгляд Лян Каншэна, судья медленно кивнул:

— Спрашивайте.

Лян Каншэн оглядел всех вокруг, а затем твёрдо произнёс:

— Осмелюсь спросить Вашу честь и всех присутствующих: что важнее — дар жизни или забота о воспитании?

Этот вопрос заставил всех вокруг задуматься. Вопрос был не сложным, и его могли понять как грамотные, так и неграмотные люди. Все начали размышлять, что же важнее.

Сегодня старуха Цюй пришла в суд, основываясь на том, что она является матерью Цюй Сыню, и поэтому имеет право обвинить его в неблагодарности.

Семья Мэн, в свою очередь, утверждала, что старуха Цюй не воспитывала Цюй Сыню с детства, и его переезд в дом Мэн нельзя считать просто возвращением в семью жены.

Старуха Цюй почувствовала, что ситуация ухудшается, и закричала:

— Что за умничанье? Если бы я тогда не родила этого негодяя Цюй Сыню, разве он сейчас смог бы жениться и завести детей? Мечтает! Госпожа Мэн, эта маленькая шлюха, могла бы выйти замуж за какого-нибудь неудачника, за внука черепахи!

Эти слова разозлили старуху Мэн так, что она готова была разорвать соперницу на части. Её дочь была настоящей красавицей, и когда она ещё жила дома, все в Большом доме семьи Мэн хвалили Хуэйнян за ум и добродетель. Даже если бы не было Цюй Сыню, нашлись бы другие достойные молодые люди, которые бы стояли в очереди, чтобы посвататься к ней. В отличие от Цюй Санью, которая вышла замуж за семью лентяев и ещё требовала поддержки от своих родителей.

— Тише! — крикнул судья, глядя на старуху Цюй. — Если вы продолжите нести чепуху в зале суда, я прикажу заткнуть вам рот!

Под пристальным взглядом судьи старуха Цюй мгновенно сникла. Она дрожала, но в конце концов с неохотой закрыла рот.

Когда, наконец, снова воцарилась тишина, Лян Каншэн спросил:

— Ваша честь, могу ли я продолжить?

Получив кивок судьи, Лян Каншэн медленно и чётко произнёс:

— Овца преклоняет колени, чтобы покормить ягнёнка, ворона кормит своих родителей. Даже животные знают, что такое благодарность и как её выразить. Что уж говорить о людях? Почитание родителей — это долг каждого.

— Но что, если есть и родные, и приёмные родители? Древние говорили: если дали жизнь, но не воспитали, можно отплатить, отрезав палец; если дали жизнь и воспитали, можно отплатить, отрезав голову; если не дали жизнь, но воспитали, то отплатить будет невозможно даже за сто жизней!

— Воспитание ребёнка требует не только денег и еды, но и душевных сил родителей. Можно сказать, что они вкладывают в это всю свою душу. Эмоциональная связь между ребёнком и

родителями прочнее, чем кровные узы.

— Поэтому я считаю, что дар жизни, конечно, важен, но забота о воспитании важнее!

— Как младший, я не могу судить решения старших, но я считаю, что посещение семьи Цюй перед тем, как отправиться в дом Мэн, не является нарушением этикета. Прошу Вашу честь рассмотреть это!

Как только Лян Каншэн закончил и поклонился, из толпы раздался возглас:

— Хорошо!

Затем кто-то начал аплодировать, и, подхваченные этим, остальные зрители тоже начали хлопать.

Слова Лян Каншэна звучали весомо и выразительно. Хотя некоторые фразы были непонятны, общий смысл был ясен, и все считали, что он сказал всё правильно!

По сравнению с перепалкой двух старух, народ больше ценил речь Лян Каншэна. Он выглядел по-особенному, с необычной аурой. Это был настоящий образованный человек!

К этому моменту судья уже составил своё мнение, но он ждал возвращения служителей, которые отправились на проверку слов обеих сторон.

Служители уехали на лошадях и вернулись быстро. Вскоре после вопроса и заявления Лян Каншэна они поспешно вернулись.

Секретарь суда передал на заседании информацию, которую служители собрали в двух деревнях. Старуха Цюй больше не могла лгать, так как ранее, чтобы похвастаться своим «умным» поступком, она неоднократно показывала деньги, которые Цюй Сыню отдавал им в качестве заработка. Это уже доказывало, что Цюй Сыню не был неблагодарным.

Судья постучал деревянной дощечкой и, глядя на толпу людей, стоящих на коленях, сказал:

— В мире считается, что есть пять видов неблагодарности: лень, из-за которой не заботятся о родителях; азартные игры и пьянство, из-за которых не заботятся о родителях; жадность и привязанность к жене, из-за которых не заботятся о родителях; потакание своим желаниям, из-за которых родители страдают; драчливость, которая ставит родителей в опасность.

— Цюй Сыню не был ленив, не пил и не играл в азартные игры, не был жадным и не пренебрегал своими родителями, не потакал своим желаниям, из-за которых родители могли бы страдать, и не был драчливым. Он не является неблагодарным.

— Учитывая, что семья Мэн воспитала Цюй Сыню, его переезд в дом Мэн с женой и детьми является актом почитания родителей и не может быть осуждён.

— Я объявляю Цюй Сыню и госпожу Мэн невиновными. Старуха Цюй больше не имеет права обвинять их в неблагодарности.

— Цюй Сыню, семья Мэн воспитала тебя и выдала за тебя свою дочь. Ты должен помнить об этом и всегда быть благодарным. В то же время, семья Цюй — твои кровные родственники, и ты не должен забывать о них, когда приходит время проявить почтение.

— Лян, ты образованный человек. Если в будущем ты увидишь, что старшие ведут себя

неподобающе, ты можешь мягко указать им на это, но помни, что нельзя судить обо всём по одному случаю. И дар жизни, и забота о воспитании — это благодарность.

Последние слова судьи были немного уклончивыми, так как он был уездным судьёй. Если бы он сегодня высказался слишком категорично, в будущем это могло бы создать проблемы в других делах.

Цюй Сыню застыл в изумлении. Он не ожидал, что всё закончится так. Он и Хуэйнян свободны?

Лян Каншэн, видя, что тесть растерялся и не знает, что сказать, тихо толкнул его и громко произнёс:

— Да, Ваша честь, я запомню ваши наставления и буду ещё усерднее изучать мудрость древних, чтобы различать правду и ложь.

После этих слов Цюй Сыню глубоко вдохнул и, не раздумывая, поклонился судье до земли:

— Благодарю вас, Ваша честь! Вы... я... этот маленький человек...

<http://bllate.org/book/16698/1533525>